

Теория и история государства и права

Научная статья
УДК 340.01

Природа процесса правовой глобализации

© Макогон Б. В., Мархгейм М. В., 2022

Борис Валерьевич Макогон¹, Марина Васильевна Мархгейм²

^{1,2} Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

¹ makogon@bsu.edu.ru

² markheim@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье на основе анализа широкого круга источников представлена авторская позиция по предмету представления природы правовой глобализации с использованием комплексной общей и специальной методологии. Глобализацию и ее правовую инкарнацию авторы расценивают процессами, нуждающимися именно в стремлении к управлению, и для фундаментального познания природы правовой глобализации общую глобализацию предлагают определить как процесс формирования единой среды функционирования цепочек поставок материальных и идеальных благ в жизни человеческого общества.

Ключевые слова: глобализация, правовая глобализация, природа глобализации.

Для цитирования: Макогон Б.В., Мархгейм М.В. Природа процесса правовой глобализации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 2(141). С. 60-63

Theory and history of state and law

Original article

The nature of the process of legal globalization

Boris V. Makogon¹, Marina V. Markhgeym²

^{1,2} Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.

¹ makogon@bsu.edu.ru

² markheim@bsu.edu.ru

Abstract. Based on the analysis of a wide range of sources, the article, using a comprehensive general and special methodology, presents the authors' position on representing the nature of legal globalization. The authors regard globalization and its legal incarnation as processes that need precisely the desire for management, and for a fundamental understanding of the nature of legal globalization, they propose to define general globalization as the process of forming a unified environment for the functioning of supply chains of material and ideal goods in the life of human society.

Keywords: globalization, legal globalization, nature of globalization.

For citation: Makogon B.V., Markhgeym M.V. The nature of the process of legal globalization. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management*. 2022. No2(141): 60-63 (In Russ.)

Глобализация представляется феноменом многоаспектным с претензией на универсальность. Действительно, известны попытки универсально определить глобализацию как процесс формирования единого финансово-экономического пространства; как процесс, который связывает (взаимосвязывает) национальные (суверенные) социально-экономические образования и др.

Правовая глобализация видится нам «процессом» [1], объективно порождаемым общей глобализацией, ведущим к формированию и общемировому признанию как ценности гармонизированных и унифицированных правовых принципов, норм, а также правовых теорий, катализирующий взаимовлияние и взаимопроникновение национального права государств добровольно либо вследствие опосредованного последовательного навязывания. Природа глобализации кроется в интеграции, которая представляется одновременно путем, движением, вектором и количественно-качественной характеристикой, от содержания которой зависит оценка того, на каком же этапе либо уровне в те или иные исторические периоды находится глобализационный процесс и его составляющие.

Мы убеждены, что глобализация как процесс имеет своей направленностью унификацию во всех сферах общественных отношений, жизни общества через поэтапное формирование гармонизированных норм и стандартов [2; 3]. Процессы тяготения к сближению, составляющие исторические этапы глобализации, определяют основу для познания ее природы, которую отражает сущность, включающей в себя, с одной стороны, нивелирование культурных, экономических, пространственных, политических и иных барьеров для обмена на международном (межнациональном) уровне, с другой

же, комплексное и, зачастую, взрывное противодействие ощущающейся глобальной взаимозависимости и, соответственно, как следствие и итог – именно движение по пути предельной типизации нормативного (не только лишь правового) регулирования, предполагающее невозможность достижения соответствующего абсолюта. С одной стороны, даже математически и с позиции общей теории систем, «живые» системы не могут достичь полной взаимной интеграции и совершенного равенства в связи с большим количеством существующих переменных, порождающих, в свою очередь, все новые и новые переменные, с органическим сопротивлением внешнему воздействию чужеродных элементов; с другой же стороны, полагаем, что в случае наступления этапа «абсолютной глобализации», исчезнут как минимум два из обязательных признаков государства – это суверенитет и аппарат принуждения во внешнем его выражении, к чему человечество вряд ли будет когда-либо готово, по крайней мере, в общей теории права мы не видим комплексных теорий, обосновывающих концепцию единого глобального государства. Подчеркнем, что речь идет не обязательно именно о государстве в буквальном смысле. Можно дискутировать о некотором образовании несколько или в значительной степени иного рода, будь то корпорация, конгломерат и др.

Глобализация несет не только потенциал нивелирования указанных выше барьеров, но и уменьшение преград между соответствующими (культурными, экономическими, логистическими, правовыми) системами государств, что, конечно, может нести известные выгоды. Соответственно, в глобальной, глобализационной зависимости нами видится особенность, которая не предполагает прямой подчиненности, но в то же время характеризует движение к максимальному сближению, основанному на понимании категории «предел».

Признаем, что существенная часть вопросов, касающихся как общей, так правовой глобализации, представляется разноплановым, с противоречивыми посылами и структурно сложным. Вместе с тем считаем возможным и методологически оправданным в рамках заявленной проблематики определить с тем, что глобализация как процесс, перманентно протекающий разнообразными путями, через различные проявления, реакции, более заметные или менее, и с различной степенью интенсивности, не может быть остановлена. Да, процесс глобализации можно замедлить. Замедлить также возможно отдельные процессы, ее составляющие, посредством фундаментальной политической и народовластной воли, вызвав всплеск дивергенции. Но общий процесс будет продолжаться, ведь в той или иной мере интересантами в нем видят себя все активные стороны. Через право – направления и содержание этих трансформаций определяются, устанавливаются и укрепляются, обрастают комплексом «юридической ответственности» [4]. Со всей уверенностью мы можем назвать правовую глобализацию выражением диалектического единства и борьбы противоположностей, определяющим скорость и конфликтность государственно-правового бытия.

Даже с учетом ярких дивергенционных проявлений, деклараций о сепарировании по определенным направлениям (социально-культурная сфера, материальный протекционизм, импортозамещение), в современный период процессы глобализации, без сомнения, продолжают набирать ускорение и силу, ведь системные конфликты, напряженность, о чем говорилось выше, видятся нам постоянными спутниками и опосредованными признаками глобализации. Конфликт видится инфраструктурным элементом, обеспечивающим (обслуживающим) стабильность динамической системы, следует лишь ограничить его разрастание, в том числе, с помощью правовых «ограничительных» [5] средств в «механизме процессуального регулирования общественных отношений» [6].

Глобализация неодинаково и с различным качеством, но все же так или иначе затрагивает все базовые сферы жизни общества, международных отношений. Последние в таких условиях склонны к усложнению (помним про конфликтность и напряженность), и не в последнюю очередь, для решения общих или же потенциально общих проблем с оглядкой на собственные интересы и охрану (защиту) национального суверенитета. Границы экономического, политического, культурного влияния выглядят все более подвижными (что касается последних – это вопрос в высшей степени дискуссионный, и он заслуживает быть предметом отдельного исследования). Экономическое доминирование или же, возможно, вернее будет сказать экономическая слабость, в совокупности с распространенным копированием принципов рыночных отношений, демократии по западному образцу создают благоприятную почву для культивирования соблазна глобального диктата, формирования однополярного мира.

С учетом изложенного, логичным видится формирование и признание глобальных правовых тенденций, становление и развертывание их высоких ролей как на универсальном, так и на уровне национальных систем права и законодательства, правовых систем и семей.

Глобализация выражается и в современном праве как таковом, поскольку именно право, с нашей позиции, представляется той формой, которая несет в себе достаточный и прагматически актуальный ресурс для упорядочивания всемирной трансляции идей и принципов правового государства, гражданского общества, прав и свобод человека и гражданина, «институционализации» [7] и «минимизации правозащитных рисков» [9], построения и функционирования экономики и ее отдельных ин-

ституты, мер глобального воздействия и самоутверждения, а также для создания условий и непосредственного решения сопутствующих проблем и сложностей – спутников глобализации.

Соответственно, право глобализируется параллельно с отражением в нем процессов глобализации и следующих за ними тенденций. Уже устоявшейся можно назвать формулировку «общепризнанные принципы и нормы международного права» без обозначения четких критериев такого «общего признания», некоторые различия между правовыми системами становятся не безусловными, границы между ними – пластичными, если не сказать подвижными. В диффузию вступают правовые системы, правовые семьи, национальные системы права. В частности, показательны трансформации в источниковой базе. К примеру, в мусульманских странах принимаются конституции или акты, по своим юридическим свойствам схожие с таковыми, к примеру, Основной низам правления Саудовской Аравии; в государствах, относящихся к романо-германской правовой семье, при официальном непризнании все большее значение приобретает судебный прецедент, а в странах англосаксонской семьи возрастает роль нормативных правовых актов кодифицированного свойства. Существует мнение, что в целом в мире возрастает роль судов, но с этим мы безусловно согласиться не можем, поскольку реальная роль суда, к примеру в правозащитном механизме, по нашему мнению, зависит от слишком многих, и не только лишь правовых, факторов.

Результативное воздействие глобализации на право, в целом, и на национальные системы права (правовые системы), в частности, у нас не вызывает сомнений. Повышенное (конечно, в том или ином виде) внимание к институту прав человека и его содержанию, к принципам демократии, трактовкам общепризнанных принципов и норм, комплексной безопасности и экологии, расширение сфер правового регулирования и распространение вариаций диспозитивного метода воздействия на общественные отношения – все эти тенденции характеризуют сближение национальных систем и представляются ориентирами в современном образе глобализации.

Издержки глобализации так же масштабны, как и ее прямые следствия.

Рекультивация, часто сопровождающая глобализацию, зачастую бывает антигуманной, грубо отодвигающей моральные устои. Так, проводимая в России в начале 1990-х годов «шоковая терапия», буквально вырвав страну из одного общественно-экономической формации и бросив в другую, ввергла государство и население в глубокий кризис. Общество оказалось в состоянии неопределенности, граничащей с хаосом. Нормы советского времени были разрушены, хотя сохранили значительное влияние. Неудачей закончились попытки полностью ориентироваться на западные стандарты без достаточного учета национальной специфики. В результате Россия оказалась в очень непростой ситуации, характеризующейся значительными противоречиями между государственной политикой и общественными реалиями, несогласованностью и девальвацией ценности элементов «процессуальных форм» [9], превращением кризиса в идеологию. До сих пор можно ощутить проявления мимикрирующего того самого административно-командного гена. Конечно, одной из основных причин глубочайшего кризиса явилось сопротивление устоявшейся системы кардинальным переменам, пусть по своему конечному предполагаемому результату и положительным.

Являясь двусторонним процессом, глобализация способна повысить эффективность материального и идеального производства, благосостояние населения и государств. Вместе с тем, ее процессы углубляет неравенство, создают новые условия и затрудняют адаптацию к ним, снижают идентичность и естественное многообразие, могут подрывать ценность и положение институтов гражданского общества. В таких условиях возникает некоторая неоднозначность, связанная, в первую очередь, с самоопределением суверенных государств, при определении параметров которого жизненно необходимо принимать во внимание не только состояние (максимально всестороннее) непосредственно государства, но и мировую (международную) обстановку, соответствующие, в том числе и трудноуловимые тенденции, политику других стран как союзников, так и оппонентов, и их объединений, даже интернациональное общественное мнение.

Вариантов самоопределения в глобализирующемся мире достаточно много, и в большинстве случаев все они связаны с непростыми, имеющими сложно обратимые последствия дилеммами, поскольку неверно принятые решения могут запустить становление опасных прецедентов.

Природа правовой глобализации – органический трансфер и среда правовой жизни. Глобализацию и ее правовую инкарнацию мы расцениваем процессами, нуждающимися именно в стремлении к управлению. Для фундаментального познания природы правовой глобализации общую глобализацию мы предлагаем определить как процесс формирования единой среды функционирования цепочек поставок материальных и идеальных благ в жизни человеческого общества.

Список источников

1. Макогон Б.В. Методологически опорная трактовка юридического процесса // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 1 (80). С. 32-35.

2. Макогон Б.В. Способы интернационализационного национального права в условиях глобализации // *Общество и право*. 2012. № 2 (39). С. 36-41.

3. Бачило И.Л. Проблемы гармонизации в законодательстве // *Журнал российского права*. 2000. №8. С. 84-93.

4. Макогон Б.В. Компонент юридической ответственности в процессуально-ограничительной деятельности публичных властных субъектов // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2014. № 6 (49). С. 74-80.

5. Макогон Б.В. Понятие и процессуальные виды правовых ограничений // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2013. № 8 (39). С. 40-46.

6. Макогон Б.В. Механизм процессуального регулирования общественных отношений. Монография. Москва: Издательский дом «Юр-ВАК», 2013. 210 с.

7. Новикова А.Е. Проблемы институционализации правозащитных рисков в современной конституционно-правовой науке России // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2011. №10. С. 21-25.

8. Korniyushkina A.Y., Markhgeym M.V., Novikova A.E., Doronina O.N., Zajcev S.Y. Minimization of human rights risks: the constitutional legal experience of post-soviet states // *Turkish online journal of design art and communication*. 2017. Т. 7, № S-APRLSPCL. С. 352-356.

9. Makogon B.V., Markhgeim M.V., Minasyan A.A., Nintsieva T.M., Novikova A.E. Legal form of action: the issues of content and methodology // *Revista Inclusiones*. 2019. Т. 6. № S2-5. С. 402-409.

References

1. Makogon B.V. Methodologically based interpretation of the legal process. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management*. 2017. No 1 (80): 32-35.

2. Makogon B.V. Methods of internationalization of national law in the context of globalization. *Society and law*. 2012. No2 (39):36-41. (In Russ.)

3. Bachilo I.L. Problems of harmonization in legislation. *Journal of Russian Law*. 2000. No8:84-93.

4. Makogon B.V. The component of legal responsibility in the procedural and restrictive activities of public authorities. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management*. 2014. No 6 (49):74-80. (In Russ.)

5. Makogon B.V. The concept and procedural types of legal restrictions. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management*. 2013. No 8 (39):40-46. (In Russ.)

6. Makogon B.V. Mechanism of procedural regulation of public relations. Monograph. Moscow: Publishing House "Yur-VAK", 2013. 210 p. (In Russ.)

7. Novikova A.E. Problems of institutionalization of human rights risks in modern constitutional and legal science of Russia. *State power and local government*. 2011. No 10: 21-25. (In Russ.)

8. Korniyushkina A.Y., Markhgeym M.V., Novikova A.E., Doronina O.N., Zajcev S.Y. Minimization of human rights risks: the constitutional legal experience of post-soviet states. *Turkish online journal of design art and communication*. 2017. Vol. 7, No S-APRLSPCL: 352-356.

9. Makogon B.V., Markhgeim M.V., Minasyan A.A., Nintsieva T.M., Novikova A.E. *Legal form of action: the issues of content and methodology*. *Revista Inclusiones*. 2019. Vol. 6. No S2-5: 402-409.

Информация об авторах

Б. В. Макогон — доктор юридических наук, доцент

М.В. Мархгейм — доктор юридических наук, профессор

Information about the authors

B. V. Makogon – Doctor of Law, Associate Professor

M.V. Markhgeym – Doctor of Law, Professor

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Макогон Б. В. – концепция исследования; развитие методологии; участие в разработке учебных программ и их реализации; написание исходного текста; итоговые выводы.

Мархгейм М.В. – согласование концепции исследования; участие в разработке понятийного аппарата, корректировка текста; формулировка промежуточных обобщений и выводов.

Authors' contribution: Makogon B.V. – the research concept; methodology development; participation in curriculum development and its implementation; writing the original text; final conclusions.

M.V. Markhgeym – research concept agreement; participation in conceptual framework; text correction; formulation of intermediate deductions.

Статья поступила в редакцию 23.12.2021; одобрена после рецензирования 03.01.2022; принята к публикации 24.01.2022. The article was submitted 23.12.2021; approved after reviewing 03.01.2022; accepted for publication 24.01.2022